

Люди и судьбы

Е.Е. Мишина

Небо как образ жизни

*Идет человек после полета. И видно,
что временно он отсутствовал на Земле.
Из беседы с М.Л. Попович*

Среди многих представлений о человеческой Судьбе есть и такое, что от рождения путь любого из нас расписан до самой последней минуты. На этом пути правило личного выбора исключено, каждый поворотный шаг – лишь веха на предписанной линии жизни. Эта теория хороша для желающих плыть по течению. Но есть и другое мнение: человек – нечто большее, чем безвольная марионетка в руках Судьбы; вариантов Будущего неисчислимо много, и мы получаем то, что сами выбрали.

М.А. Попович – курсант летной школы ДОСААФ. Саранск, 1954

Еще молодой девушкой Марина Лаврентьевна Попович определила сумму жизненных целей. Главных было три: стать летчиком-испытателем, защитить докторскую диссертацию и получить квартиру с видом на аэродром. В те годы для женщины, как впрочем и сегодня, самым фантастическим выглядел пункт «стать летчиком-испытателем». Когда она показала отцу листок с этими «заветами на будущее», данными самой себе, он отнесся к программе-максимум дочери с недоверием, мол, ну-ну, мечтать не вредно... Но она выполнила весь свой план, и с большим превышением.

Марина Попович, в девичестве Васильева, родилась на хуторе Леоненки Вележского района Смоленской области. Отец – плотогон, мама работала в колхозе. Это был труд, необходимый, чтобы кормить семью. В семье было особое увлечение – музыка. Лаврентий Васильев играл на скрипке в самодеятельном трио и сам делал скрипки. Мама прекрасно пела и танцевала, у нее был веселый, живой характер, она легко сходи-

лась с людьми, была душой любой компании. По рассказам Марины Лаврентьевны, характер она унаследовала в основном от мамы, а музыкальность – от обоих родителей. С четырех лет, хоть и малая ростом, девочка часто выступала с отцом – играла на цимбалах (папа научил), сидя на выкаченной на сцену бочке.

Если верить теории о передаче по наследству профессиональных склонностей, то и пожизненное увлечение Марины Попович небом оказалось не случайным. Оба брата матери – Григорий и Константин – тоже были летчиками, из-за чего «летчицей» в шутку называли и маму. Кто знает, когда бы не миф о том, что женщине нечего делать за штурвалом самолета, может, и Маринына мама последовала бы «крылатой» судьбе братьев. Но время было не то, и его оставалось мало на раздумья и мечты о будущем, потому что «завтра была война»...

На всю жизнь запомнила Марина, как в воздушном бою почти над самым хутором, где они жили, наш летчик выбросился с парашютом из подбитого самолета и как кружил вокруг медленно спускающегося парашютиста и расстреливал его, беспомощного, зловещий «черный крест», пока едва различимая человеческая фигурка не обвисла на стропах в смертном бессилии. Именно тогда она окончательно

решила, что станет летчицей. Чтобы отомстить. Ей было тогда всего пять лет, но спустя многие годы она вспоминает об этом, как будто это было вчера.

Спасаясь от бомбежек и голода, мать с детьми эвакуировалась в Новосибирск. Отец ушел на фронт и с 1941-го за всю войну не написал ни строчки, а вернулся только в 1947 году, поскольку из-за контузии на время потерял память и долго не мог отыскать семью. К тому времени Марина уже начала выполнение программы-максимум: окончив школу в маленьком сибирском селе Варламово, поступила в авиационный техникум в Новосибирске.

О своей жизни Марина Лаврентьевна рассказывает полшутя, как многие, кто пережил столько, что, похоже, стесняется обилия испытаний, выпавших на его долю. С поступлением в техникум не обошлось без биографического анекдота: сначала Марину попытались зачислить вместо летного на сварочный факультет. Это было технологическое новшество – на смену заклеп-

кам, которыми соединяли листы обшивки самолета, пришла технология сварки. Молоденькая Марина сдала экзамены на «хорошо» и «отлично», но на самолетный факультет принимали только со всеми пятерками, и ее зачислили на сварочный. Не слишком представляя, что такое сварка и для чего она нужна, девушка решила, что ее приглашают заниматься чем-то из области кулинарии. Оскорбленная донельзя, она забрала свои документы и поступила в учебное заведение, которое не имело ничего общего с летным делом. Проучилась она там всего ничего. Вскоре ее вернули в авиатехникум, объяснив, что сварка металла не имеет ничего общего с варкой борща, дело это для авиации полезное и для девушки более приемлемое. Но в техникуме не учили летать, а рядом находился Новосибирский аэроклуб, куда тут же направилась Марина, и там ее приняли на парашютное отделение.

Первый прыжок Марина сделала с крыла ПО-2. Было холодно, страшно и очень неудобно в большом шлеме и в валенках на пять размеров больше – меньшего размера не на-

шлось. Во всей этой неповоротливой амуниции надо было встать на скользкое самолетное крыло и прыгнуть вниз. Однако следующее за этим упоительное чувство полета перекрывало все, и после приземления хотелось снова туда, наверх, в небо...

После окончания техникума Марина Лаврентьевна пришла работать на Новосибирский завод Коминтерна в должности инженера-конструктора. Закончив рабочий день, она снова ехала на аэродром, чтобы прыгать с парашютом. Но ведь она хотела летать! Увы!.. Теперь помехой стал ее рост – 157 сантиметров. До минимального роста летчика, физически способного дотянуться ногой до педали, ей не хватало трех сантиметров. Три сантиметра? Всего?! Каждый день, пока никто не видит, Марина, отыскав где-то «кошки» для монтажников-высотников, висела вниз головой на турнике, вытягивая ноги... Так – в прямом смысле – дотянула до заветных 160 сантиметров.

Можно изо всех сил мечтать о будущем летчика, но, неизвестно, сбудется ли твоя мечта, пока не пройдешь испытание небом: одних новичков

Рекорд установлен на самолете Л-29. 1965

начинает тошнить во время совсем несложных летных фигур – не справляется вестибулярный аппарат, несмотря на наземный этап подготовки. Другим так и не удается обрести уверенность в полете, а это значит, что с мечтой о небе придется расстаться и выбрать наземную профессию.

У Марины все сошлось как надо, и в 1948 году состоялся ее первый полет. До сих пор она вспоминает самыми теплыми словами своего первого инструктора, отличного летчика Николая Николаевича Кунгурова, который так делал все летные фигуры, будто исполнял в небе плавный, красивый танец. Этот танцующий почерк будущий

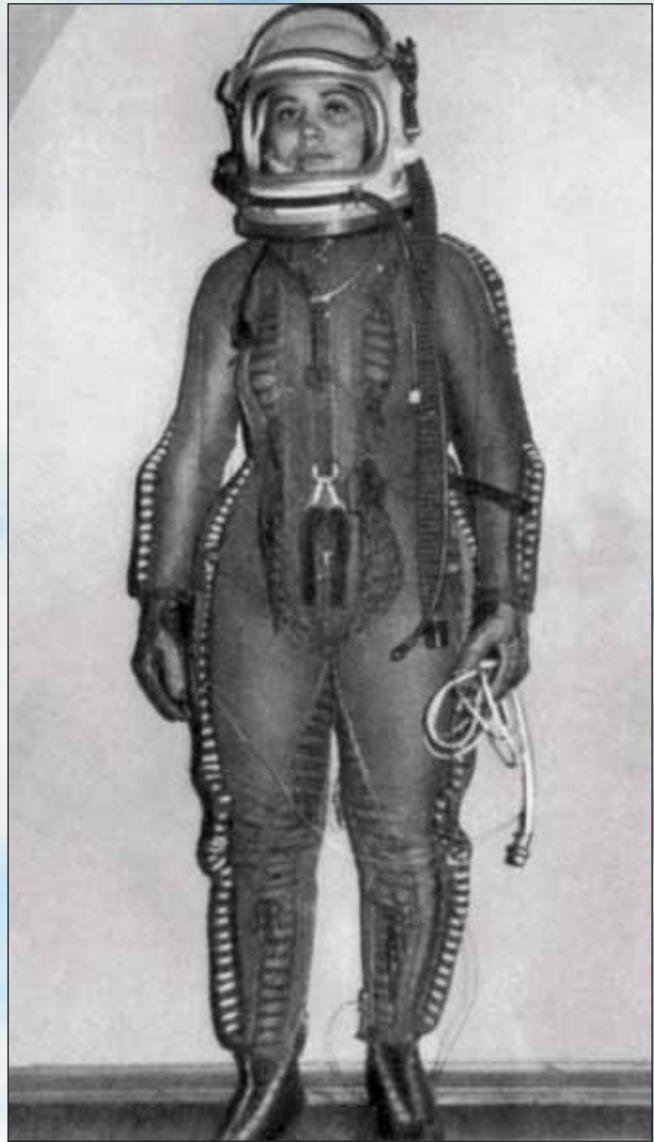
летчик-испытатель Марина Попович переняла еще в те годы. Ей было всего 19 лет.

В 1952 году Марина поступает в летно-техническую школу ДОСААФ в Саранске. Здесь она становится настоящим летчиком-инструктором и через три года уже сама в качестве инструктора готовит будущих инструкторов в Тушино, в Центральном аэроклубе имени В.П. Чкалова. Это был прецедент: впервые женщина с отличием закончила летное отделение школы и впервые ее направили в Центральный аэроклуб, где летчик-инструктор Попович летала в парадном расчете. Не всякий из мужчин в то время удостоивался такой чести.

М.А. Попович в кругу летчиков-испытателей после рекорда, установленного на самолете АН-22. 1963

В те годы она познакомилась с Павлом Поповичем, будущим космонавтом №4. Он учился в Хабаровске, Марина оставалась в Саранске, и три года они переписывались. Марина Лаврентьевна вспоминает, что на первое свидание она пришла с ромашками. Сама явилась с букетом. (Кстати, это ее любимые цветы, хотите доставить Марине Лаврентьевне радость – подарите ромашки, не ошибетесь.) Они поженились, прожили в браке тридцать долгих лет, и у них родились две девочки – Наташа и Оксана. Первая дочь родилась еще в Украине в 1956-м. Вторая – спустя

В высотно-компенсирующем костюме, предохраняющем от перегрузок и в случае разгерметизации кабины на высоте. 1963

12 лет, в 1968 году, когда она уже была летчиком-испытателем. До восьми месяцев Марина продолжала летать, беременность почти не была заметна, только кто-то из летчиков подметил, что Марина слегка располнела. Но однажды, сидя в президиуме одного из собраний, Марина Лаврентьевна получила записку. В ней предлагались на выбор имена 20 мальчиков и 10 девочек. Все, поняла Попович, пора в декрет. И попросила у командира отпуск, не вдаваясь в подробные объяснения. Когда родилась Оксанка, вся эскадрилья во главе с командиром обомлела – все эти месяцы никто не подозревал, что Марина готовилась снова стать мамой. Зато жены летчиков получили возможность напоминать мужьям, когда те, приходя с работы, валились на диван и с дивана руководили их действиями, что Марина за месяц до родов и летала, как все, и домашние дела ни на кого не перекладывала,

и к полетам приступила через два месяца после рождения дочери.

Хотя с домашними делами справиться было непросто. В течение двух лет не раз бывало так, что приходилось работать вдали от дома. Аэродром – в другом городе, Марина приезжала домой по пятницам и снова уезжала в понедельник. Детям нанимали нянь, иногда нечистых на руку; потом она сменила дислокацию и сама стала ухаживать за домом и детьми. Это было самое трудное: ночью плачет ребенок, а утром надо идти на работу, связанную с психологическими и физическими перегрузками, и там оставаться такой же улыбчивой, подтянутой, собранной и целеустремленной, какой ее знали всегда.

К 1963 году Марина Лаврентьевна решила стать военным летчиком-испытателем – реше-

ние для женщины практически невыполнимое. К этому времени она налетала 530 часов как летчик-инструктор, освоила пять типов самолетов и имела воинское звание старшего лейтенанта запаса. Чтобы прийти на работу в Государственный научно-исследовательский испытательный институт имени В.П. Чкалова, надо было попасть на прием к главнокомандующему ВВС маршалу К.А. Вершинину. Это было нелегко. Марина Лаврентьевна долго ходила по инстанциям, и наконец ее принял заместитель главкома маршал И.О. Руденко. Он внимательно ее выслушал и направил к заместителю главкома по вооружению А.Н. Понамареву. К нему она пришла только через неделю, и уже не одна, а с полковником командиром истребительной эскадрильи во время Великой Отечественной О.Н. Ямциковой. Алек-

сандр Николаевич встретил летчиц радушно, Марине посоветовал начинать летать в специальном тренировочном полку и назначил ее в эскадрилью полковника В.С. Серегина, того самого, с которым потом ушел в свой последний полет первый космонавт Ю.А. Гагарин и в котором они оба погибли. «Молодец, Марина! Привлекла тяжелую артиллерию, сдаюсь!» – улыбнулся Понамарев, под «тяжелой артиллерией» имея в виду Ямщикову, и аккуратно, почти торжественно, подписал рапорт-разрешение о назначении в полк.

В начале 1960-х в армии не хватало мужчин для «сопутствующих» профессий – поваров, радистов и т. д., поэтому, чтобы покрыть дефицит кадров, министр обороны разрешил зачислять в армию женщин. Вот тут-то и посодействовал Серегин. Сначала Марина Лаврентьевна летала в транспортном звене, потом перешла в звено истребителей. «Именно Серегин помог мне стать летчиком-испытателем», – говорит она. Помогала ей советами и Ольга Николаевна Ямщикова. Марина Лаврентьевна прослужила военным летчиком-испытателем до 1978 года. Так был выполнен первый пункт ее программы-максимум. Тогда же брак Павла Романовича и Марины Лаврентьевны, несмотря на продолжительность, распался, как-то тихо и планомерно. Оба не могли жить без своего дела, оно разводило их по разным городам, но они, люди высокого полета в прямом и переносном смысле, сумели навсегда сохранить добрые чувства и уважение друг к другу, и человеческое и профессиональное.

...Небо стало образом ее жизни. «В полете вами владеют два чувства, – говорит она, – легкость летящего в пространстве тела и чувство полета, как лабораторной работы, ощущение власти над техникой, которая становится твоим продолжением. Эти чувства переросли для меня в жизненную необходимость и серьезную потребность...» В ее жизни все происходило параллельно: работа, учеба, защита диссертации, писательское дело, воспитание дочерей...

Был выполнен и еще один пункт «личной программы» – Марина Лаврентьевна получила квартиру с видом на аэродром. А сверх намеченного когда-то в юности плана она установила 101 мировой рекорд полетов на пяти типах машин, получила звания летчика-испытателя I класса и заслуженного мастера спорта СССР. Первой из женщин-испытателей Марина Попович преодолела во время полета в 1967 году звуковой барьер на самолете «МиГ-21». Такой рекорд американке Жаклин Кокран стоил здоровья и расставания с небом навсегда. Мужской спецкостюм для

Марина Попович. Брно, 1963

сверхзвуковых полетов, в котором полетела Кокран, оказался непригодным для женщин – подвело различие в анатомии. Тогда от В.С. Серегина НПО «Полет» получило задание – сконструировать женский костюм для сверхзвуковых испытаний. Костюм был создан в рекордные сроки, и после полета на сверхзвуке иностранные СМИ присвоили Марине Попович звание «мадам Миг». Потом в полетах на сверхзвуке она преодолела барьер в 1,2 маха. Мах – отношение скорости полета к скорости звука, в стандартных условиях примерно 1200 км/ч.

Впрочем, в первый раз Марина Лаврентьевна обошла Жаклин Кокран еще в 1967 году в перелете на дальность. Марина летела на самолете «Як-25-РВ» по маршруту Волгоград – Москва – Астрахань – Волгоград. Дальность полета составила 2510 километров.

Уже после увольнения в запас, работая в ОКБ Антонова, она с экипажем из восьми человек десять раз подняла в воздух гигантский «Антей» (АН-22), установив 10 рекордов. Дальность ее последнего рекордного полета – 1000 километров на скорости 600 км/ч с грузом 50 тонн.

Рекорд у летчиков-испытателей не самоцель. Они поднимают машину в воздух, испытывая ее

◀ Международная выставка в Брно (Чехословакия). М.А. Попович объясняет устройство самолета правительственной делегации. 1963

«И то же в ней очарованье...» Перед полетом на самолете-истребителе МиГ-21. 1964

работу в экстремальных условиях дальности, скорости, высоты полета, чтобы выяснить пробным путем, на что она способна и чего ей не хватает. Они должны понять ее потенциал на пределе возможного, и если в воздухе происходило что-то неординарное, чего не предвиделось по инженерным расчетам, они из показаний приборов, на слух и по собственной интуиции должны поставить диагноз, как врач больному. И еще они должны уметь прыгать с парашютом, чтобы спасти себя в аварийной ситуации и довести до сведения комиссии результаты полета. И здесь ее следующим учителем стал известный парашютист Евгений Андреев, на счету которого было около восьми тысяч прыжков. Ему, как рассказывает, посмеиваясь, Марина Лаврентьевна, приходилось «придавать ускорение» Попович, когда та слишком долго собиралась с духом, прежде чем покинуть борт.

Не стоит думать, что любая мощная машина все сделает за летчика. При отказе двигателя одно только усилие по крену в грузовом великане составляет 45 кг, а по педалям – 100 кг. Испытатель помогает найти ответ и на такой вопрос: почему организм летчика к сорока годам снашивается так, что молодой еще человек вынужден уйти

на пенсию? После серии экспериментальных вылетов датчики приборов показали: в полетах на истребителе при перехвате цели или при посадке с отказавшим двигателем температура тела летчика поднимается до 38,5–38,7 градусов, пульс – до 150 ударов, артериальное давление подскакивает до 220. За один такой вылет летчик теряет до двух килограммов веса. И так каждый день, уж не говоря о риске, неизбежном при такой работе. В результате многократных полетов в экстремальной ситуации стало ясно, что надо ставить на самолеты автоматические устройства, которые снимут с летчика часть того стресса, который многократно испытывали в полете все профессионалы.

Здесь многое зависит и от ангела-хранителя, верит в него летчик или не верит, хотя про себя верят почти все. Такой оберег свыше, когда приходит мысль, что настала пора попрощаться с жизнью, каждый летчик ощущал на себе хотя бы один раз за летную карьеру.

Однажды на взлете у «МиГ-21», который пилотировала Марина Лаврентьевна, отказал форсаж двигателя. Двигатель загорелся. Она не успела набрать высоту, на 40 процентов снизилась тяга, и самолет упал на взлете, пропав на несколько метров. Везение (или воля Высших сил?) состояло в том, что трехтонный бак с топливом при падении оторвался и сгорел отдельно от самолета, – иначе произошел бы взрыв, после которого мало что осталось бы и от машины, и от Марины. Когда самолет начал гореть, она попыталась выбраться, но замок фонаря заклинило при ударе машины о землю. «Вот и смерть моя пришла», – подумала Марина и почему-то не испугалась. Через минуту кто-то из подбравших разбил стекло кабины, и Марину вытащили почти невредимую. А ночью она пережила все заново, и к утру с ней случился шок, ее поместили в госпиталь, где она пришла в себя. Во всех прочих случаях после такого падения от полетов отстраняют навсегда. Но не в случае с Мариной Попович. Зная ее, ей сказали: «Решай сама – будешь летать дальше или уйдешь». Попович, естественно, осталась. Вот тогда ей дали «Як-25-РВ», на котором она продолжала ставить мировые рекорды.

Марина Лаврентьевна бескорыстно и самоотверженно отдавала небу все, порой обделяя свою домашнюю, личную жизнь, но иначе было невозможно. Самое горькое после детской памяти о войне воспоминание связано у нее с тем временем, когда ее, за три месяца до пенсии, списали с полетов. Списали неожиданно и грубо при представлении на звание Героя Советского Союза, о котором она ничего не знала и спокойно уехала отдыхать в Абхазию. Главкомом ВВС тогда был маршал П.С. Кутахов, человек с характером,

который принято называть сложным. То, что летчиков мужского полу по числу рекордных полетов перещеголяла женщина, многих задевало, хотя она часто бралась и за «рутинные», неопасные, но утомительные полеты, на которые соглашались не все мужчины. «Когда Кутахов увидел, что к Герою представлена женщина, он вышел из себя: «Я думал, Попович – мужик, а это баба летает?! Летчиков-мужиков вам мало?! Уволить!» Меня не только к Герою не представили, но чтобы я совсем уже не могла летать, написали, что у меня предынфарктное состояние! И это после десяти рекордов на «Анtee»! – вспоминает Марина Лаврентьевна. – Что делать? Я пошла на прием к министру обороны С.Л. Соколову, объяснила ситуацию – мол, столько лет в небе, да и о представлении к награде ничего не знала. Соколов человек был хороший, понимающий, сказал, чтобы я не беспокоилась и продолжала летать». Но летать при таком главкоме Попович уже не могла и подала рапорт об увольнении в запас.

После этого она не летала целый год, очень тосковала по небу. Но ее творческая натура и любовь к летному делу нашли выход в чтении лекций, в написанных ею книгах, пьесах, сценариях на близкую ей тему. А через год Марина Лаврентьевна уехала в Киев, к Антонову. У него летала еще пять лет, установила 70 рекордов и была удостоена другого выдающегося звания – Героя Социалистического Труда, весомость которого не утрачена даже в наши дни.

Из несбывшегося в ее жизни по крупному счету можно назвать одно – не получилось слетать в космос. К полетам ее не готовили, но два с половиной месяца Марина Попович проходила медицинскую комиссию, в результате которой ее забраковали (как впрочем, и остальных женщин-летчиков), сообщив, что у нее повышен кислородный обмен. Марина возмутилась: «Как это так? Я же летчик-профессионал!» И объявила голодовку. Естественно, начался переполох: член партии – и голодает! Решили пойти на компро-

Дочь М.А. Попович, Оксана, выпускница Института международных отношений. Первый прыжок с парашютом. 2006

мисс: пусть муж слетает, потом вы, ребенок у вас маленький. Разрядил обстановку Б.В. Раушенбах, который в те годы работал с С.П. Королевым. Он сказал Марине: «Конечно, ты профессионал. Поэтому тебя нельзя сажать в кабину с приборами! Ты же сразу начнешь пилотировать, а там, по-моему, была инструкция из четырех слов: “Ничего руками не трогать!”»

Судьба любого летчика-испытателя, с позиций обычной человеческой жизни, – время нескончаемого подвига. Если летчик – женщина, это подвиг вдвойне. Жить, постоянно преодолевая не только себя, но и общее мнение, что есть сферы, куда женщинам, по определению, вход заказан; скрывать от посторонних неизбежные тяготы материнства и женских обязанностей в семье, от которых тебя никто не освобождал; оставаться красивой и безупречной, помня, что удел женщины – нести людям красоту духовную и телесную, и улыбаться, улыбаться несмотря ни на что – это ли не подвиг! Но сама Марина Лаврентьевна подвигом свою жизнь не считает.

Она оставила небо, налетав шесть тысяч часов, написала девять книг в качестве автора и соавтора. Вместе со вторым мужем, летчиком-штурманом

генералом авиации Борисом Александровичем Жихаревым, выпустила книгу стихов «Наедине с небесами», в соавторстве с Т.Б. Кожевниковой создала два киносценария, по которым были поставлены художественные фильмы «Букет фиалок» и «Небо со мной». Но если вы перелистаете ее книги «Хождение за два маха», «Сестры Икара» или «Старт над облаками», то вряд ли узнаете много о самой Марине Попович. Она очень мало пишет о себе, отдавая все страницы рассказу о профессии, которой отдала всю жизнь, и о соратниках по небу, память о которых дорога ей навечно.

Марина Лаврентьевна Попович награждена Золотой и Серебряной медалями им. С.П. Королева и Большой золотой медалью ФАИ¹, которая присуждается раз в четыре года тайным голосованием представителей около 70 стран мира; орденами «Знак Почета», Красной Звезды и Красного Знамени, дипломами Ю.А. Гагарина и Пауля Тисандье. Она – действительный член Платоновской академии наук во Франции, Петровской академии наук и искусств в Санкт-Петербурге и Международной духовной академии; член Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка; член Союза писателей РФ; а еще она была президентом

¹ Federation Aeronautique Internationale – Международная авиационная федерация.

Один из сотни дипломов Международной авиационной федерации (ФАИ)

Именем М.А. Попович названа звезда в созвездии Рака

летней ассоциации «ВЕРСТО» в Тушино и возглавляла авиакомпанию «Конверс Авиа» при Министерстве авиационной промышленности.

Сегодня она – вице-президент Международного Центра Рерихов. Марина Лаврентьевна давно знакома с учением Живой Этики. «Мне близки многие идеи Елены Ивановны, – говорит она, – прежде всего о единстве религий – ведь Бог на всех один, и наша сила в единстве, а не в религиозной розни. Нам нужно возрождать духовность, а мы стремимся к материальному благополучию в ущерб духу». И вслед за Еленой Ивановной полагает, что наступает эпоха, когда женщина, бергиня и другиня, должна стать хозяйкой в доме по имени Земля и навести в нем порядок. Время показывает, говорит Попович, что так оно и есть, поскольку все больше представительниц прекрасного пола занимают ведущие посты в правительственных структурах многих государств.

Марина Лаврентьевна – человек с поистине космическим мышлением. Она безусловно ощу-

щает себя частью вселенского мироздания, не теряя при этом связи с сиюминутной земной жизнью. В сегодняшнем дне Родины ее волнует все – положение пенсионеров и неблагополучных детей, проблемы образования, состояние экономики и культуры и общества в целом. Она старается действовать, чтобы изменить мир к лучшему, приходит на помощь по первому зову. При этом Марина Лаврентьевна, привыкшая с молодости не уступать обстоятельствам, остается заботливой мамой, любящей бабушкой и гордится тем, что ее внук в 10 лет прыгнул с парашютом. Это женщина редкого обаяния, красивая настоящей русской красотой, применительно к которой слова «мои года – мое богатство» звучат буквально.

Не трата ни мгновения жизни даром, она с годами умножила главное – богатство души, в трудах и испытаниях не растеряв ни света улыбки, ни чувства справедливости, ни веры во все лучшее в человеке.

Памяти профессора Леонида Васильевича Лескова

Мы познакомились с Леонидом Васильевичем в 90-е годы прошлого века на ректорском семинаре в Бауманском университете. Сам семинар, с моей точки зрения, был уникальным явлением, ибо собрал вокруг себя ученых самых разных специальностей и в самом университете и вне него. В тот день я сделала доклад о философии Живой Этики, которая явилась важнейшим фундаментом мировоззрения Е.И. и Н.К. Рерихов. Когда доклад окончился, я ответила на все вопросы, интересовавшие моих слушателей, и уже собиралась уходить, ко мне подошел Леонид Васильевич, представился и задал несколько вопросов глубоких и интересных. Мы разговорились, и я была уверена, что он философ.

Через некоторое время я с удивлением узнала, что Лесков был физиком. Я пригласила его на нашу ежегодную конференцию. Он пришел на нее и как-то очень органично влился в сообщество ученых, которое за несколько лет сформировалось вокруг Музея Н.К. Рериха. И когда мы создали Объединенный Научный Центр проблем космического мышления, то Леонид Васильевич был одним из первых, кто выразил желание тесно сотрудничать с вновь организованным научным центром. Он с большой охотой вошел в Ученый Совет, созданный при этом Центре, и вскоре стал незаменимым его членом.

Леонид Васильевич глубоко вникал в Живую Этику, философию космической реальности, и беседы с ним всегда наталкивали меня на полезные выводы. Но болезнь уже давала себя

На конференции «Космическое мировоззрение – новое мышление XXI века». 2003

знать, он все реже приходил в Музей и не смог уже посещать заседаний Ученого Совета. У меня была надежда, что все обойдется и Лесков вновь вернется к активной работе. Но надежда, к великому сожалению, не оправдалась, и Леонид Васильевич вскоре ушел из жизни. Не ошибусь, если скажу, что его уход был большой, невосполнимой потерей и для Объединенного Научного Центра космического мышления, и для Ученого Совета. Что касается меня, то до сих пор я ощущаю потребность пообщаться по тому или иному вопросу с Леонидом Васильевичем, но понимаю, что, увы, это невозможно. Прекрасный очерк Натальи Леонидовны Лесковой об отце многое нам раскрывает в жизни и творчестве Леонида Васильевича Лескова, память о котором сохранится в сердцах тех, кто знал или работал вместе с этим замечательным человеком, одним из уникальных и крупных ученых России.

Л.В. Шапошникова

Н.А. Лескова

Как хорошо, что он был

Тридцать первого марта 2008 года мы отмечали 77 лет со дня рождения моего отца, видного российского ученого, профессора Л.В. Лескова. А 28 апреля исполнилось два года со дня его смерти.

Более 50 лет он проработал в ракетно-космической отрасли, был начальником отдела ЦНИИмаш, ведущим научным сотрудником НПО «Композит», преподавал в вузах.

Далеко не все знали, что в детстве отец, родившийся в Ленинграде, пережил блокаду. Об этих полутора годах своей жизни он вспоминал крайне редко: слишком тяжелы были эти воспоминания. Лишь когда мы вместе приезжали в его родной город, «знакомый до слез», он показывал дом, где провел детские годы, школу, в которой учился, булочную, где еще до войны покупали с мамой хлеб и по праздникам – пирожные...

Два года – срок немалый. За это время мы успели издать последние книги отца «Неизвестная Вселенная» и «Лекции по космологии», работу над которыми он заканчивал в последние дни жизни. Успела подрасти моя дочка Машенька, которой, когда умер отец, не было и года, и бабушку она помнит лишь по фотографиям. Книги деда она регулярно просит ей почитать. «Ты же ничего не поймешь, книга не детская», – пытаюсь отговориться я, однако Маша настаивает: «Я большая, умная». И добавляет: «Как дедушка Леня»...

15 февраля 2008 года у меня родился третий ребенок, сын, который не успел застать бабушку в живых. Когда маленький Вася подрастет, я непременно расскажу ему о деде.

И в то же время два года – это очень мало. Кажется, еще вчера отец был рядом.

Доктор физико-математических наук, академик Российской академии естественных наук и Российской академии космонавтики Леонид Васильевич Лесков – коренной ленинградец. Здесь жили и умирали его предки, а в доме на Литейном проспекте, как раз напротив прославленного Некрасовым «парадного подъезда», прошли детские годы. Отец рассказывал мне о своем деде, тоже Леониде, занимавшем высокий пост в Священном синоде. До революции его семье принадлежала вся пятикомнатная квартира на Литейном, а после 1917 года туда вселили еще четыре семьи, оставив Лесковым одну, правда, самую большую комнату – «залу». «Спасибо, что не рас-

стреляли», – говорила бабушка. Здесь к моменту появления на свет моего отца проживало еще шесть человек – бабушка, две тетушки, мать и отец моего папы и дед.

Дом был старый, кишачий привидениями, – во всяком случае, в этом маленький Леня был уверен. Он рассказывал мне, что своими глазами не раз видел призраков и даже общался с ними. Страх не было – только любопытство: каким образом они умудряются проходить сквозь стены и не разбиваться в кровь? Взрослые не верили детским рассказам, и только дед не смеялся над малышом.

Дед Леонид Васильевич Лесков, полным тезкой которого стал мой отец, был рослым, как и все Лесковы, немного флегматичным, часто предававшимся глубоким раздумьям человеком. Ему иногда доверяли маленького Леню, и тогда дед и внук отправлялись погулять в расположенный неподалеку от дома сквер. И как-то раз, воспользовавшись задумчивым настроением деда, мой трехлетний папа сбежал от него, проделал самостоятельным огромным путем в целый квартал, показавшийся малышу чуть ли не кругосветным путешествием, добрался до проезжей части, однако перейти проспект, по которому неслись авто, не решился. Лёсик (так его называла мама, моя бабушка, даже когда он сам стал дедом) терпеливо ждал, когда кто-нибудь переведет его через дорогу. Наконец, рядом остановился высокий дядя в черном кожане и участливо спросил: «Ты где живешь? Где твоя мама?» Отец указал на стоящий напротив дом и пояснил: мама там. Дядя перевел отца через дорогу и проследил, чтобы тот вошел в подъезд. Малыш сам преодолел несколько высоких лестничных пролетов и постучал в дверь. Ужасу открывшей дверь матери не было предела. «А где дедушка?» – воскликнула она. «Гуляет», – махнул рукой Лёсик... Больше гулять вместе их не отпускали.

Об этом эпизоде отец вспоминал со смехом. Хотя был очень похож, и не только внешне, на деда.

Однажды он пришел за мной в детский сад. Мы шли навстречу друг другу по узкому коридору, и больше вокруг никого не было. Я сделала вид, будто не вижу отца, внутренне радуясь: сейчас он меня окликнет... Но он прошел мимо, меня не заметив. Я опешила, а мгновение спустя

со слезами закричала вслед удаляющейся фигуре: «Папа, это же я!» Отец оглянулся, и только тут в его глазах мелькнуло узнавание, а затем радость: «Наталка!» Он очень меня любил, но в тот момент его мысли были далеко. Уверена: тогда он продумывал какую-то важную мысль. Таким он был всегда – рассеянным в быту, но умевшим предельно концентрироваться в работе.

Отец часто вспоминал некогда знаменитый Ленинградский детский и юношеский дом науки и техники, организованный известным ученым и популяризатором науки, автором многих книг по занимательной математике и физике Я.И. Перельманом. Маленький Леня в числе прочих питерских мальчишек и девочек с огромным интересом посещал занятия в этом необыкновенном учебно-игровом заведении. Именно там зародилась первая любовь отца к точным наукам, раз-

вилось логическое мышление. Кроме того, он обладал феноменальной памятью, впоследствии сделавшей его настоящим энциклопедистом. У отца можно было получить историческую или научную справку практически по любому поводу – он помнил не только общую канву, но и детали многих, давно ушедших в прошлое событий, знал наизусть целые главы из книг, держал в голове уйму исторических дат и имен, мог легко рассказать историю целого государства или доказать малоизвестную теорему. Если в процессе работы мне надо было получить консультацию, идти в библиотеку или лезть в Интернет было не обязательно. Папа знал практически все. К тому же он обладал даром прекрасно объяснять сложные вещи и интриговать собеседника. Мои журналистские материалы нередко содержали его комментарии, и когда его не стало, я поняла: а ведь таких людей среди моих знакомых больше нет.

Много раз он давал мне и житейские советы. Меня поражало его умение быстро и точно разбираться в любой ситуации. Для этого требовалось в общих чертах обрисовать проблему, и отец тут же, в голове, выстраивал ее модель, давал невероятно точные характеристики каждому действующему персонажу и прогнозировал, как будет развиваться сценарий в том или ином случае. Обычно он не советовал, какой сценарий лучше предпочесть: мне и самой это становилось ясно. Конечно, не всех его советов я послушалась. Нередко поступала по-своему и обжигалась порой очень больно.

Сам он объяснял это обыкновенной логикой. Хотя, возможно, дело не только в ней. Отец не раз говорил и писал об интуиции – крайне важном для человека и ученого качестве, открывающем возможности для более широкого познания действительности. Безусловно, многое он не только просчитывал, но и предугадывал, предвидел. Как в научной деятельности, так и в личной жизни. Увидев в 1952 году маму, тогда студентку исторического факультета МГУ, он сразу влюбился в нее и понял: именно эта девушка станет его женой.

Будущий рыцарь науки на коне в возрасте полтора года. 1932

Молодые супруги Людмила и Леонид Лесковы. 1955

Отец рассказывал мне, что юная Людмила шла в распахнутом настежь пальто (была весна) по улице Герцена, и образ девушки с воздушной походкой поразил его воображение. «Мне стало очень хорошо, – делился отец сокровенными воспоминаниями. – Она словно излучала ощущение счастья»...

Познакомились они далеко не сразу, однако, по его словам, каждый раз, встречая чудесную девушку, которая о его существовании долгое время даже не догадывалась, в университетских коридорах или на улице, он вновь чувствовал прилив радости и уверенность, что эти встречи не случайны.

...Детство отца закончилось в сороковом, когда ему было девять лет. Его отец Василий Леонидович, блестящий инженер и человек, по воспоминаниям моего папы, лучше всех в мире умевший сочинять сказки, ушел на фронт и погиб в первый день Финской войны. Бабушка Александра Георгиевна, врач-педиатр, позже получившая звание заслуженного врача, несмотря на обилие поклонников, больше никогда не вышла замуж и сохраняла верность лучшему из мужчин, каковым считала своего Васю. Единственным мужчиной в семье стал мой отец, помогавший бабушке растить свою младшую сестру Светлану. Тетя Света не намного пережила отца: она умерла год спустя, в 2007-м, оставив в моей памяти образ большого,

бесконечно доброго и наивного ребенка, не умевшего всерьез сердиться и держать зла.

А в 1941-м вся семья вместе с городом оказалась в блокаде. На глазах отца соседи по большой коммунальной квартире постепенно умирали, и почти каждую неделю из дома выносили трупы. Детей бабушка забрала в госпиталь, где работала, и этим спасла их жизни. Каждый день, отправляясь в очередь за хлебом, отец видел одну и ту же сюрреалистическую картину: медленно следующие по снегу процессии саночек с уже оконченными, опухшими от голода телами. Гуляя с маленькой Светой, замечал голодные взгляды прохожих. Даже в блокадные годы она была пухленькой девочкой. Бабушка строго-настрого запрещала сыну оставлять девочку без присмотра: «Съедят», – коротко объясняла она.

Еще запомнилось, как ходил с санками за водой к Неве. Ноги подкашивались от слабости, и маленький отец, скатываясь к чернеющей внизу реке по ледяной горке, лежал на снегу и думал: вот бы не вставать... Потому что обратный путь пугал куда больше: с нагруженными доверху санками ему предстояло забраться по скользкой горке, не расплескав драгоценную ношу. Иначе путь придется повторить...

Самым ценным в доме была библиотека деда, человека высококультурного, эрудированного,

А.В. Лесков с дочерью Наташей на родине К.Э. Циолковского. Калуга, 2000

умевшего поддержать разговор практически на любую тему. Библиотека была великолепная, способная стать предметом зависти любого книгочея, высоченные книжные шкафы с фолиантами занимали несколько стен, и, когда мой отец-книгоман о ней вспоминал, его глаза загорались. Он читал эти книги запоем. По ночам тайком от бабушки он осваивал русскую и зарубежную классику под одеялом, вооружившись фонариком или огарком свечи. Наверное, отец стал таким, каким стал, и благодаря прочитанным в детстве книгам. Но эта библиотека спасла и саму его жизнь. Когда в доме закончились дрова, затем табуреты, столы и стулья, бабушка приняла решение топить печь книгами деда. Любимые тома с треском догорали в голубоватом пламени, а мой маленький папа плакал от своего взрослого горя. Голод и физические страдания не вызывали у него таких слез, а эти горящие книги – вызывали.

В 1942-м по «дороге жизни» их вывезли на Кубань, в станицу Усть-Лабинскую. Машины, идущие по Ладожскому озеру, на глазах у отца уходили под лед: сверху их бомбила немецкая авиация. Бомбы падали совсем рядом, но им повезло.

На «Большой земле» голодающих угощали борщом, выносили благоухающие буханки горячего хлеба. «Никогда в жизни не ел более вкусного борща», – рассказывал отец. Бабушка кормила его, уже почти не державшегося на ногах, и Светлану с ложечки, разрешив съесть лишь четверть тарелки на двоих. Как дети ни умоляли дать им добавки, бабушка не поддавалась. Вскоре отец убедился в ее правоте: у многих начинались жестокие приступы рвоты, судороги, боли в животе, а некоторые даже умерли от несварения: желудок переваривать подобные объемы пищи...

На Кубани, где ждали спасения, получилось из огня да в полымя – вскоре здесь началась оккупация. Жилось немногим легче. Отец вспоминал, как немцы разделили всех прибывших на три части: евреи, семьи военнослужащих и остальные. В этой очередности следовали казни сотен и тысяч людей. В числе первых погиб папин друг, еврейский мальчик-скрипач Алик. Отцу как сыну военнослужащего вскоре предстояло последовать за ним. Но пришли наши и освободили Кубань.

Отцу удалось не просто выжить – он смог окончить школу с золотой медалью, поступить

на физический факультет МГУ и стать одним из его лучших выпускников. Спустя годы он вернулся в МГУ в качестве профессора.

«Леонид Васильевич пришел в МГУ в 1994 г., – написали о нем в предисловии к книге “Неизвестная Вселенная” два заслуженных профессора МГУ В.Г. Кузнецов и С.А. Лебедев. – Он работал профессором кафедры философии и методологии науки до самой кончины. Обычно он читал для студентов и аспирантов два курса в семестр – “Основы космологии и астрономии” и “Универсальная теория систем”... Общие курсы Л.В. Лескова пользовались большой популярностью среди студентов философского факультета МГУ. Это были яркие, эмоционально-насыщенные и глубокие по научному содержанию лекции. И это не удивительно. Профессор Лесков отличался основательными научными знаниями, широкой общей образованностью, блестящим стилем изложения материала, патриотической позицией человека, глубоко переживавшего за судьбу России.

Леонид Васильевич дорожил предоставленной ему возможностью использовать университетскую трибуну для общения с молодежью. Уже незадолго до смерти он приезжал читать лекции с видимым трудом: самостоятельно передвигаться становилось все тяжелее. Последнюю лекцию он, вопреки своему железному правилу, прочел сидя. Студенты провожали его овацией...»

Я помню, как в тот вечер он вернулся из МГУ домой. Неблизкий путь с Воробьевых гор до подмосковного Королева, обычно занимающий 2,5–3 часа, он преодолел к ночи. Мы волновались. Но отец, несмотря на смертельную усталость, ликовал: аудитория на его лекции была переполнена, студенты даже стояли в дверях. А когда он закончил, они долго аплодировали стоя...

Уже на похоронах отца я встретила с людьми, которые знали его по преподавательской деятельности, – это были профессора МГУ им. Баумана, где он преподавал более 20 лет, МАИ, МФТИ... Все говорили о нем с нескрываемым уважением, а порой и восхищением, как о человеке, который, обладая большим запасом знаний, щедро делился ими с окружающими, и делал это так заразительно, что шансов остаться равнодушными у них не оставалось.

«Помимо научной эрудиции, он обладал еще и таким уж совсем редким качеством, как мудрость, – пишут его коллеги из МГУ. – Мудрость, как известно, является умением “смотреть в корень” вещей и идей и за многообразием явлений видеть их сущность, объединяющую их основу. Великий Эйнштейн говорил, что сущность мира проста, но не всякому дано ее видеть. Леонид Васильевич обладал таким даром, все самые сложные теоретические вопросы современной науки (физики, в частности) он видел, что называется, “насквозь”. Он не только давал им глубокую и соответствующую их уровню адекватную оценку, но и излагал это очень простым и доступным для читателя языком».

А вот что говорят об отце его коллеги по ракетно-космической отрасли, служению которой он отдал более 50 лет жизни: «В конце 50-х, придя в ЦНИИмаш, он возглавил коллектив молодых, только что пришедших из вузов инженеров-физиков и дипломников, в институте находящихся на практике, по решению проблемы создания электроракетных двигателей. Под руководством Лескова были организованы группы по теории и разработке электроракетных двигателей: импульсного плазменного ускорителя, ускорителя бегущей волны, квазистационарного ускорителя плазмы. Довольно быстро был выбран перспективный вид двигателя – импульсный плазменный двигатель (ИПД) двух вариантов: тепловой и электродинамический. В конечном счете они были доведены до летных образцов и испытаны в космосе. Через некоторое время произошла реорганизация, и в отдел Лескова влился большой коллектив по разработке и созданию ДАСов – двигателей с анодным слоем. Этот ионный двигатель нашел широкое применение как многоцелевой ускоритель плазмы. В настоящее время создано и реализовано целое семейство таких ускорителей.

Следующий переломный этап в деятельности коллектива произошел в начале 70-х годов прошлого века – начались исследования в области физики невесомости и космического материаловедения. Первые отечественные эксперименты по физике невесомости и космическому материаловедению были проведены на вертикально зондирующей ракете и космической станции “Салют-4” в 1975 году. А в 1976 году было выпущено

решение Комиссии Совета Министров по военно-промышленным вопросам по развертыванию этих работ, в котором ЦНИИмаш был определен как головная организация. Усилиями коллектива, возглавляемого Лесковым, была создана широкая кооперация организаций-соисполнителей по космическому материаловедению и технологии, в которую вошли десятки академических и отраслевых институтов, высших учебных заведений. При активной поддержке заместителя директора ЦНИИмаш по науке академика В.С. Авдеевского в Министерстве общего машиностроения было создано новое Управление – ГЛАВКОСМОС.

...Отличительной чертой Леонида Васильевича как руководителя являлось его чутье на прорывные направления в научных исследованиях, а также смелость доверять своим подчиненным разработку собственных идей, умение прийти в нужную минуту на помощь. Это был творческий, порядочный, смелый и волевой человек, уход которого все мы восприняли как личную трагедию...»

Сильная воля всегда была одним из главных качеств отца. Уже прикованный к постели тяжелой болезнью, он продолжал работать. Каждый день я видела, каких физических страданий стоит ему садиться за письменный стол и удерживать

ручку. Когда сидеть он уже не мог, начал диктовать. Однако и говорить становилось все тяжелее. Это была смертельная схватка бесконечно волевого человека с неизлечимым недугом: кто кого? Болезнь приносила ему все новые и все более тяжкие страдания, делая не только работу – саму жизнь практически невозможной. Однако он не проиграл эту схватку: отец закончил диктовать свою последнюю книгу, и лишь когда была поставлена точка в последней главе, потерял сознание. Вскоре у него началась агония. Меньше чем через сутки его не стало...

Невозможно охватить все стороны деятельности отца. По глубине мышления и широте эрудиции он был ученым-энциклопедистом, и общаясь с ним, я всякий раз испытывала смешанное чувство гордости и стыда. Гордости оттого, что это мой отец, и стыда оттого, что мне никогда не дотянуться до него. Но я могу хотя бы стремиться к этой вершине...

Отец издал более 400 научных работ и свыше 30 монографий. Над последней книгой он работал, хорошо зная, что дни его сочтены. «Мне надо спешить», – повторял он.

Книги Л.В. Лескова, изданные в последние годы жизни, носят, прежде всего, философский, а потом

Леонид Васильевич и его коллеги в Центре управления полетами. 1987

Людмила Ивановна и Леонид Васильевич Лесковы. 2005

уже специально технический характер. Как и многие крупные ученые современности – такие как Циолковский, Вернадский, Чижевский, Налимов, Моисеев, – профессор Лесков использовал хорошо знакомый ему язык математики и физики для философского осмысления действительности. Именно такой подход свойственен концепции русского космизма, продолжателем которого был ученый.

...Помню, я зашла в его комнату, молча стояла рядом, понимая, что помочь ничем не могу. Ничего нет в жизни страшнее, чем беспомощность перед лицом мучений наших близких. Я вышла из комнаты, но мой муж, человек, несмотря на технический склад ума, глубоко интуитивный, сказал: «Вернись, поговори с отцом». «Но он же меня не услышит», – с горечью ответила я. Однако муж продолжал настаивать. Я вернулась и сказала папе, что очень люблю его и сделаю все, чтобы издать эту книгу. Он застал в ответ, как будто делая неимоверное усилие. Я поняла, что он слышит меня и пытается что-то ответить... Утром его не стало.

Дописывая эти строки, я понимаю: мне есть что сделать для отца, чем ему помочь, – донести оставленные им знания до людей, которых он любил и в которых верил. То, что люди звонят и пишут мне, интересуясь научным наследием отца, нередко приглашают на различные конференции,

чтения, симпозиумы, где также просят рассказать о трудах профессора Лескова, означает, что мой скромный труд не напрасен.

Отец был большим, неординарным ученым. Он глубоко интересовался многими вопросами – космологией, проблемами освоения космоса, историей, футуросинергетикой, был одним из основных разработчиков нового философского направления – синергизма, разработал оригинальную мэон-биокомпьютерную концепцию, вызывающую сегодня большой интерес научного сообщества, старался разобраться в таких спорных направлениях современной науки, как торсионная физика... Обо всем этом можно прочесть в его книгах. Но для меня он был, прежде всего, бесконечно добрым и самым близким человеком, и думая о нем, я понимаю, что истинная доброта воспитывает лучше всякой строгости. Он был преданным другом и любящим мужем, человеком, никогда не предававшим и не подводившим близких людей. Товарищи у него остались еще с университетской скамьи, сослуживцы знали его почти полвека, со своей женой, моей мамой Людмилой Ивановной Лесковой, он прожил 52 года, перед смертью успев сказать ей, что был с ней бесконечно счастлив.

Как жаль, что его больше нет. И как хорошо, что он был.